

с 41

Шостакович в Большом зале консерватории, 1972 год

Сила судьбы

ШОСТАКОВИЧ ПРИНАДЛЕЖИТ ВСЕМУ МИРУ. НО НИГДЕ ЕГО МИФ НЕ ОСОЗНАН ТАК ГЛУБОКО, КАК В РОССИИ

ИМЯ В ИСТОРИИ

Алексей ПАРИН

СЕГОДНЯ ШОСТАКОВИЧ КАК ЦЕЛОСТНАЯ ЛИЧНОСТЬ СТАЛ МИФОМ. КТО, КАК НЕ ОН, СКОНЦЕНТРИРОВАЛ В СЕБЕ БУЙНУЮ ЭНЕРГИЮ АВАНГАРДА, БЕШЕНО ЗАЯВЛЯЮЩЕГО О СЕБЕ?

Кто, как не он, нашел в нашей культуре убийственные очертания трагикомического, кто, как

не он, отчеканил грани язвительного гротеска, придав художественной реальности вульгарно двоящиеся черты? Кто, как не он, воплотил в себе потерянность художника перед лицом государственной машины? После слома он говорил «правильные» речи, подписывал ужасные открытые письма, осуждал и порицал, как того требовали (иногда не спрашивая его о согласии) высшие инстанции СССР. Но кто, как не он, воплотил верность самому

себе, когда в последние годы бескомпромиссно сочинял одно за другим сочинения, выражавшие его сокровенные мысли? Двойная бухгалтерия Шостаковича не сломила его личность только потому, что творческая энергия была поистине неукротимой, гениальной в полном смысле этого слова. Для москвичей конца 60-х — начала 70-х годов сама странная фигура Шостаковича где-то рядом, в зале консерватории, на долгое время ос-

тавалась носительницей последней, самой последней надежды.

В позднем творчестве Шостаковича Четырнадцатая симфония — тоже сама по себе миф. Большой, стареющий композитор старался как можно скорее закончить эту «ораторию о смерти», боясь умереть до завершения. Он выбрал для одиннадцати номеров симфонии в основном переводы из западноевропейской поэзии, где рядом с шедевром — переводом Анатолия Гелескула из Лорки — были посредственные поделки тех, кому тогда официально позволялось представлять русскому читателю страшного в своей авангардной простоте Аполлинера и насыщенного философскими аллюзиями Рильке. Шостакович еще раз указал, что в России слово для музыки, «либретто», играет не прямую эстетическую, а обслуживающую роль. Неофициальная премьера «для избранных» (Шостакович торопился и с исполнением, о чем свидетельствует дирижер премьеры — Рудольф Баршай) сопровождалась казусом, который многим в те далекие времена, в 1969-м, показался символическим: во время исполнения умер, можно сказать прямо в зале, один из гонителей Шостаковича — партийный работник высшего эшелона Павел Апостолов. Кажется, что все связанное с Шостаковичем выводило случающееся на уровень мифа.

Насколько многослойны составляющие этого мифа, показывают две недавние записи Четырнадцатой симфонии, изданные фирмой EMI. Первая — с оркестром Берлинской филармонии под управлением Саймона Рэттла с участием звезд международного вокала — финки Карины Маттилы и немца Томаса Квастхоффа. Вторая — с оркестром Баварского радио под управлением Мариса Янсонса с участием соли-

тов Мариинского театра Ларисы Гоголевской и Сергея Алексашкина. «Иностранцы» шлифуют изящные камерные камни своими вышколенными, собранными в «струнку» голосами, пытаясь замазать позорные фонетические огрехи музыкантской компетентностью. К слову сказать, Шостакович сам считал, что эта симфония должна звучать на языке страны исполнения, чтобы и певцы, и слушатели понимали все смысловые акценты в мельчайших тонкостях. Марис Янсонс записывал на один диск вместе с Четырнадцатой Третью симфонию с ее первомайским финалом на текст Семена Кирсанова, написанную перед концом плюралистических 20-х годов. В Четырнадцатой он подчеркивает экзистенциальный, остро актуальный характер взвинченной и жутковатой музыки. Алексашкин с его типично русским басом превращает «арии» в личное высказывание, а бескомпромиссно смелая Гоголевская бросает в нас невероятное разнообразие красок — от варьетешной хрипотцы до интимных «зависаний», от гудящей вульгарности до аристократического лоска. Четырнадцатая симфония вырастает в широкую фреску о русском поиске смысла жизни, для которого Шостакович не дает утешения религией. Он завершает симфонию — единственный раз в своей жизни — атональным финалом, оставаясь честным перед самим собой.

Дмитрий Шостакович сегодня принадлежит всему миру, как и другой юбилар этого года — Вольфганг Амадей Моцарт. Но уроки судьбы Шостаковича больше всего относятся к русскому менталитету, а миф Шостаковича никем так глубоко не осознается, как нами, его соотечественниками, в очередной раз брошенными на произвол судьбы.